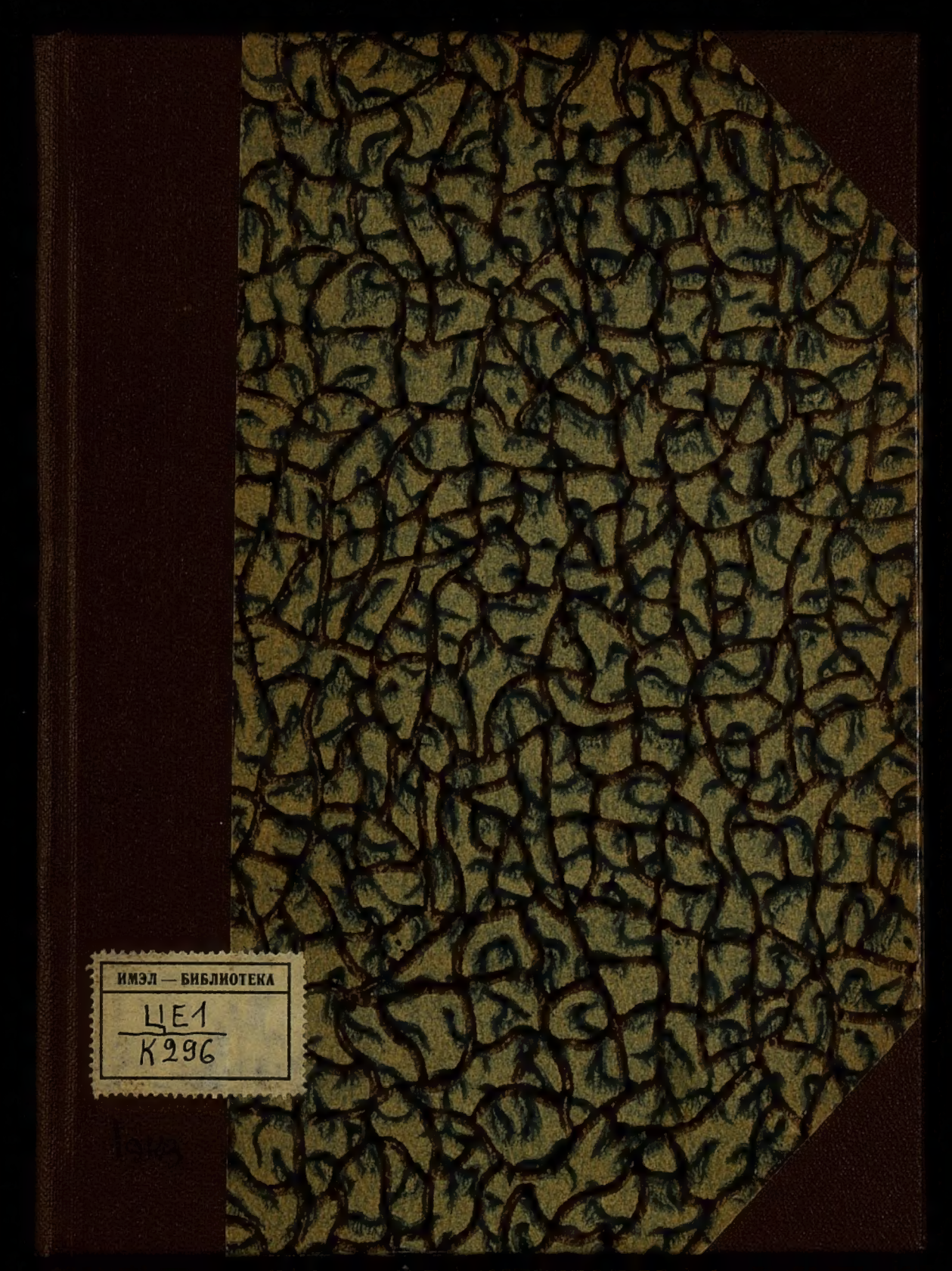


ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц Е 1
К 296

44480а

Духъ разрушающій есть
Духъ созидающій.
М. Бакунинъ.

ЦЕІ
К296
Карелин, А. А.

А. КОЧЕТКОВЪ.

Заграничный Комитет
въ Литвѣ, Польшѣ и Р.

Положительныя и отрицательныя стороны демократіи

съ точки зрѣнія анархистовъ-коммунистовъ.

Изданіе Братства Вольныхъ Общинниковъ.
(Федераціи Анархистовъ-Коммунистовъ).

1й 093

К.

ЦЕІ
К 296

Библиотека
Института Ленина
при ЦК РКП (б.)
1927 Ч-3105 у
200

9011
У 83

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ СТОРОНЫ ДЕМОКРАТІИ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ АНАРХИСТОВЪ-КОММУНИСТОВЪ.

I.

Въ наше время имѣется нѣсколько демократическихъ государствъ, или, какъ выражаются короче, «демократій».

«Демократія» въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «власть народа», почему трудно найти болѣе неудачное слово для обозначенія того политическаго строя, который характеризуетъ современныя парламентскія государства.

Въ сущности, ни для кого не тайна, что въ демократическихъ государствахъ властно царитъ капиталъ и что современныя, такъ называемыя «демократіи» правильнѣе называть плутократіями (плутократія — власть богатыхъ).

Къ современнымъ властителямъ — плутократамъ присоединяются, впрочемъ, и властители—интеллигенты. Одни изъ нихъ, въ роли консерваторовъ, почти что ничего не желаютъ измѣнить въ данномъ обществѣ, другіе,— въ роли либераловъ и соціалъ — демократовъ,- пытаются внести въ него тѣ или иныя измѣненія.

Народъ не имѣетъ власти въ демократіяхъ. Участвуя въ выборахъ депутатовъ, народъ не властвуетъ, а выбираетъ себѣ властителей.

II

Демократическій строй общества отнюдь не умалилъ власти правителей, власти государства. Правители демократій отказались въ обычное время отъ нѣкоторыхъ дикихъ проявленій властвованія, но за то они еще больше расширили сферу послѣдняго. Въ эпоху же сильныхъ движеній рабочнхъ массъ, правительства демократій не стѣсняются прибѣгать къ такимъ же репрессіямъ, какъ и деспотическія государства.

Хотя законы и издаются по волѣ большинства депутатовъ и сенаторовъ, (которые не могутъ не служить интересамъ богатыхъ классовъ общества), тѣмъ не менѣе власть по существу своему осталась такой же произвольной и сильной, какой была раньше власть деспотовъ. А И Герценъ возмущался демократіей 1848г ., указывая на то, что она присваиваетъ себѣ деспотическую власть. О томъ, что власть въ демократической французской республикѣ является не меньшей, чѣмъ власть королей, говорилъ Бертъ и др. писатели*). П. А. Кропоткинъ заявляетъ, что власть Люловика XIV, дерзнувшаго сказать «государство, это-Я», была ничтожна по сравненію съ современной властью парламентскаго правительства.

Дѣйствительно, государство вмѣшивается теперь во всѣ проявленія общественной жизни, всегда становясь на сторону эксплуататоровъ и всѣми силами

---

*) Законодатели Франціи, писалъ А. И. Герценъ выдумали, что suffrage universel (всеобщее голосованіе)—все, но что однажды избранное всеобщимъ избраніемъ Собраніе имѣетъ силу и власть султана. Послѣ іюньскихъ дней, когда Собраніе назначило безобразную коммиссію, —нашлись люди, спросившіе, какою же судебною властью она будетъ пользоваться и какимъ формамъ подчинена? Сенатъ объявилъ, что она облекается властью Собраніемъ, которое, по самодержавію своему, имѣетъ право ее такъ учредить. Мы, наконецъ, опытомъ и лѣтами совершеннолѣтни; если это не l'etat c'est moi (госу-

мѣшая эксплуатируемымъ развить широкую самодѣятельность. «Демократическія» формы современнаго государства ведутъ только къ тому, что эксплуатируемые классы общества начинаютъ, въ лицѣ многихъ или не многихъ своихъ представителей, думать о приносимой имъ государствомъ - властью пользѣ, забывая о томъ, что и «демократическое» государство твердо стоитъ на стражѣ интересовъ угнетателей и само является угнетателемъ и эксплуататоромъ. Люди ослѣпляются «демократіей» и не видятъ того очевиднаго факта, что государство является могущественнымъ разбойникомъ, облагающимъ трудящихся данью и ничтожную часть этой дани бросающимъ на будто бы общеполезныя дѣла, при чемъ каждое такое дѣло организуется государствомъ самымъ не выгоднымъ для рабочихъ массъ образомъ. Если бы государства не было, если бы общество не знало принудительной власти, всѣ эти дѣла были бы организованы несравненно болѣе полезнымъ для трудящихся способомъ.

III

Какъ результатъ участія рабочихъ въ парламент-

дарство это—Я), если это не принципъ рабства, деспотизма,- то гдѣ же онъ рѣзче высказался?» Гораздо позднѣе почти тоже говоритъ проф. Дюги; «революція, закончившаяся въ 1848 г., сдѣлала ничто иное, какъ дала націи или, скорѣе, большинству, выражающему ея мнимую волю, пользованіе властью, принадлежавшей нашимъ прежнимъ королямъ.» «Не является ли парламентская демократія,- спрашиваетъ Э. Бертъ,- божественнымъ правомъ магической власти государства, перешедшей отъ короля къ партіямъ, выражающимъ такъ называемый народный суверенитетъ?... Законъ, исходящій отъ нашихъ современныхъ парламентовъ, окруженъ почетомъ еще болѣе суевѣрнымъ, чѣмъ это было по отношенію къ самымъ абсолютнымъ королямъ и можно сказать, что современное законодательство еще болѣе порабощаетъ, чѣмъ прежнее законодательство» и т. д. и т. д.

скихъ выборахъ, какъ результатъ совмѣстной дѣятельности «ихъ» депутатовъ съ избранными буржуазіей и интеллигенціей (или съ депутатами, выбранными подъ давленіемъ этихъ общественныхъ классовъ), какъ результатъ пробуждаемыхъ соціал - демократіей надеждъ на парламентъ, утихаетъ классовая вражда рабочихъ и въ глазахъ многихъ изъ нихъ, напр. въ Германіи, подмѣняется «борьбой за власть» парламентскихъ партій.

Ложныя надежды, внушаемыя пребываніемъ соціалистовъ въ парламентѣ,— громадный выигрышъ для эксплуататоровъ. Пока эти надежды не исчезли — буржуазіи и классу интеллигентовъ, а слѣдовательно и современнымъ правителямъ, можно не бояться соціальной революціи. Они хорошо знаютъ, что рабочіе тратятъ массу энергіи и средствъ на парламентскую предвыборную агитацію и справедливо думаютъ, что эти усилія, вовсе не направленныя въ сторону соціальной революціи, полезны для господствующихъ классовъ. Эти классы хорошо понимаютъ, что дѣятельность соціалистовъ въ парламентѣ отвлекаетъ рабочихъ отъ важнѣйшаго дѣла, отъ самоосвобожденія. Они хорошо знаютъ, что выбирающіе депутатовъ рабочіе возлагаютъ на нихъ свои надежды и заинтересовываются дѣлами тридцатистепенной важности, а то и просто на просто пустяками, раздуваемыми этими депутатами до вопросовъ первостепеннаго значенія.

Болѣе, чѣмъ понятно, что изъ тысячи вопросовъ, обсуждаемыхъ въ парламентѣ, 999 касаются упорядоченія дѣлъ того общества, которое рабочіе должны разрушить до глубочайшихъ его основъ для того, чтобы зажить человѣческой жизнью.

Правительство—буржуазія и интеллигенція хорошо знаютъ, что рабочіе,-посылаютъ или не посылаютъ они своихъ депутатовъ въ парламентъ,—добиваются только того, что завоевывается ими борьбою, веденной внѣ стѣнъ парламента.

Что же касается до депутатовъ соціалистовъ, то правящіе классы знаютъ, чего стоитъ ихъ соціализмъ, знаютъ и то, что онъ безсиленъ выйти изъ стѣнъ парламентскихъ залъ.

Пока рабочіе думаютъ, что все пойдетъ какъ нельзя лучше, разъ только имъ удастся провести въ парламентъ господъ соціалистовъ,— до тѣхъ поръ буржуазія будетъ прекрасно себя чувствовать.

При такомъ условіи, не только откладывается въ долгій ящикъ подготовка къ вооруженному возстанію трудящихся, но что еще хуже, сознаніе необходимости такого возстанія ослабѣваетъ. Поддавшись ужасному обману и самообману, трудящіеся начинаютъ надѣяться на мирное разрѣшеніе рабочаго вопроса, начинаютъ даже вѣрить въ возможность такихъ парламентскихъ реформъ, которыя поведутъ къ коренной ломкѣ современнаго строя, т. е. вѣрить въ безсмыслицу.

Не глупые правители хорошо понимаютъ, что присутствіе въ парламентѣ достаточного числа соціалистовъ полезно для эксплуататоровъ и угнетателей: это хорошій громоотводъ отъ грома соціальной революціи. Разговоры депутатовъ соціалистовъ, ихъ предвыборныя и парламентскія рѣчи успокаиваютъ часть рабочихъ, внушаютъ имъ надежду, что рано или поздно парламентъ облагодѣтельствуетъ рабочихъ; что въ скоромъ времени послѣднихъ перестанутъ такъ душить, какъ душатъ въ наше время, что надо потерпѣть нѣкоторое время и посылать въ парламентъ соціалистовъ, при чемъ, благодаря «просвѣщенной» дѣятельности послѣднихъ и ихъ партій, а, главнымъ образомъ, благодаря экономической эволюціи, мы когда нибудь да очутимся въ соціалистическомъ обществѣ.

Возлагая свои надежды на депутатовъ соціалистовъ, рабочіе утрачиваютъ одновременно съ этимъ свою иниціативу, свою энергію, на нѣтъ сводится въ ихъ рядахъ творческая работа мысли; они перестаютъ интересоваться и тѣмъ, какъ поднять возстаніе и тѣмъ, какъ устроиться послѣ побѣды.

Остываетъ боевой порывъ трудового люда. Рѣдѣютъ ряды потенціальныхъ революціонеровъ. Рабочіе начинаютъ думать, что, оставаясь на легальной почвѣ, они смогутъ побѣдить ту самую буржуазію, которая издаетъ свои законы, какъ разъ съ тѣмъ раз-

счетомъ, чтобы запутавшіеся въ нихъ рабочіе бились въ легальныхъ тенетахъ, какъ мухи въ паутинѣ жаднаго паука. часть рабочихъ не въ состояніи уже понять, что спастись можно, только порвавъ и уничтоживъ эту паутину. Вѣдь «ихъ» «представители» тоже ткутъ ее, засѣдая въ парламентахъ.

Законность убиваетъ именно рабочихъ, тогда какъ буржуа, интеллигенты, депутаты-соціалисты нагуливаютъ себѣ въ это время красныя щеки.

Избирательный ящикъ—это бездонная «бочка Данаидъ», въ которую проваливается духъ возмущенія. Такимъ то образомъ, благодаря всеобщему избирательному праву, благодаря посылкѣ «своихъ» депутатовъ въ законодательное собраніе, въ рабочихъ проявляется интересъ къ законности, той законности, которая характеризуетъ современный общественный строй. Вся же совокупность этихъ законовъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ поддержаніе вреднаго для рабочихъ общественнаго строя. Проникаясь уваженіемъ къ тому, что поддерживаетъ послѣдній, рабочіе ничего уже не дѣлаютъ для его уничтоженія.

Во Франціи революціонное настроеніе растетъ по мѣрѣ того, какъ пропадаетъ вѣра въ благодѣтельное дѣйствіе всеобщаго избирательнаго права. Въ Германіи оно убило всякую революціонность. Здѣсь блестяще удался планъ Бисмарка, давшаго нѣмцамъ всеобщее избирательное право съ цѣлью превратить ихъ въ мирныхъ гражданъ буржуазно-феодальнаго общества. Бисмаркъ «очень хорошо зналъ, пишетъ Р. Фридебергъ, - что, связавъ пролетаріатъ и народъ такимъ законодательнымъ актомъ, онъ сумѣетъ отвести и направить по окольнымъ путямъ ихъ революціонную энергію, которой онъ больше всего боялся. И такъ именно и случилось».

IV

Паденіе классовой борьбы въ демократическихъ странахъ подмѣчено и теоретиками и «практическими дѣятелями». Представительный образъ правленія, —писалъ Сорель, имѣетъ своимъ результатомъ ослаб-

леніе чувства классовой борьбы у всѣхъ тѣхъ, кто играетъ въ немъ какую нибудь роль». «Марисъ видѣлъ преимущество демократіи въ томъ, что рабочіе, не отвлекаемые борьбою съ абсолютизмомъ и аристократіей, скорѣе приходятъ къ идеѣ классовой борьбы. Современный опытъ насъ учитъ, что демократія съ успѣхомъ можетъ тормозить развитіе соціализма, направляя мысли рабочихъ къ тред-юніонизму, покровительствуемому государствомъ». Она, эта демократія, тормозитъ развитіе соціализма, направляя мысли рабочихъ къ соціалъ-демократическому ученью, давно уже выбросившему за бортъ соціализмъ и подмѣнившему классовую борьбу парламентской дѣятельностью. Интересно, что объ ослабленіи классовой борьбы, при наличности всеобщаго избирательнаго права, говорятъ иной разъ и марксисты. По крайней мѣрѣ Роза Люксембургъ, указавъ на классовое чувство русскаго пролетаріата, подвинувшее его на солидарныя выступленія, пишетъ:—«послѣ воцаренія буржуазно-парламентскаго правоваго государства и въ Россіи, это живое активное, классовое чувство русскаго пролетаріата въ значительной степени исчезнетъ или, вѣрнѣе, превратится въ невидимое, скрытое»...

Наши крупные капиталисты тоже понимаютъ, что демократическій режимъ способенъ уменьшить рѣзкость классовой борьбы. Крупные фабриканты Москвы и Московскаго района въ своей извѣстой запискѣ писали: « ... общее нестроеніе государственной жизни, отсутствіе политическихъ правъ... вотъ гдѣ слѣдуетъ искать главнѣйшія причины періодическихъ волненій рабочихъ». При конституціонномъ режимѣ борьба между капиталомъ и трудомъ «могла бы вылиться въ спокойныя формы борьбы, какъ то наблюдается въ Западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ отъ этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборотъ, такого разцвѣта, котораго далеко еще не наблюдается въ Россіи.»

Парламенты, «демократическій» строй общества, заставляя часть трудящихся думать, что въ буржуазномъ обществѣ существуетъ гражданское равнопра-

віе, что въ немъ возможно серьезное улучшеніе быта рабочихъ, затемняютъ классовую вражду и ослабляютъ классовую борьбу.

Конференція русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ высказалась по разсматриваемому вопросу слѣдующимъ образомъ: «долгая практика парламентской дѣятельности соціалистическихъ партій на западѣ съ очевидностью показала, что эта дѣятельность, не принося никакихъ положительныхъ результатовъ рабочему классу, не приближаетъ момента освобожденія труда, а служитъ лишь разсадникомъ сгущающейся атмосферы недовольства и злобы, накопляющейся въ рабочемъ классѣ. Эта дѣятельность вводитъ движеніе рабочаго класса въ рамки легальной, законной борьбы и тѣмъ самымъ угашаетъ революціонную энергію и соціалистическій энтузіазмъ, культивируетъ мѣщанско-консервативную психологію».

V

Долго жившіе въ демократическихъ странахъ русскіе эмигранты знаютъ, чего стоятъ свободы этихъ государствъ, разъ только рабочіе хотятъ воспользоваться ими для своего самоосвобожденія. Эти «свободы» легко уничтожаются въ такомъ случаѣ, а, въ случаѣ надобности, подъ флагомъ военнаго положенія, на сцену выступаетъ самый необузданный деспотизмъ.

Безчисленные факты подтверждаютъ слова Бакунина: — «пока человѣчество будетъ раздѣлено на меньшинство эксплуататоровъ и большинство эксплуатируемыхъ, свобода не мыслима и становится ложью».

Всего же хуже, что «демократическій» режимъ, — создавая въ головахъ подданныхъ государства убѣжденіе, что они — эти подданные,— выбирая себѣ властителей, тѣмъ самымъ становятся участниками власти, дѣлаетъ многихъ изъ нихъ рабами не только за страхъ, но и за совѣсть.

Говоря о «новомъ обманѣ», Л. Н. Толстой пишетъ: — «обманъ этотъ состоитъ въ томъ, что посредствомъ

сложнаго устройства выборовъ представителей въ правительственныя учрежденія, людямъ извѣстнаго народа внушается, что, избирая того, кто далѣе будетъ, вмѣстѣ съ другими, избирать того или другого изъ десятка неизвѣстныхъ ему кандидатовъ, или избирая прямо своихъ представителей, они дѣлаются участниками правительственной власти и потому, повинуясь правительству, повинуются сами себѣ и потому будто бы свободны. Обманъ этотъ, казалось бы, долженъ быть очевиденъ и теоретически и практически, такъ какъ при самомъ демократическомъ устройствѣ и при всеобщей подачѣ голосовъ, народъ не можетъ выразить свою волю. Не можетъ выразить ее потому, что такой общей воли всего многомилліоннаго народа нѣтъ и не можетъ быть, а во вторыхъ, потому что, если и была бы такая общая воля всего народа, большинство голосовъ никогда не можетъ выразить ее. Обманъ же этотъ, не говоря уже о томъ, что выбранные люди, участвующіе въ правленіи, составляютъ законы и управляютъ народомъ не въ виду его блага, а руководствуясь по большей части единственной цѣлью, среди борьбы партій, удержать свое значеніе и власть, — не говоря уже о производимомъ этимъ обманомъ развращеніи народа всякаго рода ложью, одуреніемъ и подкупами, — обманъ этотъ особенно вреденъ тѣмъ самодовольнымъ рабствомъ, въ которое онъ приводитъ людей, подпавшихъ ему. Люди, подпавшіе этому обману, воображая, что они, повинуясь правительству, повинуются сами себѣ, уже никогда не рѣшатся ослушаться постановленій человѣческой власти, хотя бы они были противны не только ихъ личнымъ вкусамъ, выгодамъ, желаніямъ, но и высшему закону и ихъ совѣсти....

Люди эти подобны заключеннымъ въ тюрьмѣ, воображающимъ, что они свободны, если имѣютъ право подавать голосъ при выборѣ тюремщиковъ для внутреннихъ хозяйственныхъ распоряженій тюрьмы. Членъ самого деспотическаго дагомейскаго народа можетъ быть вполнѣ свободенъ, хотя и можетъ подвергнуться жестокимъ насиліямъ отъ власти, ко-

торую не онъ устанавливалъ; членъ же конституціоннаго государства всегда рабъ, потому что, воображая, что онъ участвовалъ или можетъ участвовать въ своемъ правительствѣ, онъ признаетъ законность всякаго совершаемаго надъ нимъ насилія, повинуется всякому распоряженію власти, такъ что люди конституціонныхъ государствъ, воображая, что они свободны, именно, вслѣдствіе этого воображенія, утрачиваютъ даже понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ истинная свобода. Такіе люди, воображая, что они освобождаютъ себя, все болѣе и болѣе, отдаются во все большее и большее рабство своимъ правительствамъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что членъ парламентскаго государства, (какъ и любого государства)' — или рабъ, или, что много рѣже и много хуже, рабовладѣлецъ. Но и дагомеецъ можетъ быть только «внутренне» свободнымъ, а этого мало: онъ все таки рабъ, пока не сброситъ съ себя ига власти.

С. Форъ тоже называетъ рабами членовъ демократіи: «тотъ, кто назначаетъ уполномоченнаго съ опредѣленною ролью спѣться съ другими уполномоченными въ дѣлѣ установленія законовъ, принимаетъ впередъ и по чести предложеніе подчиниться желаніямъ этихъ законодателей и, тѣмъ самымъ, отрекается отъ всякаго права на неповиновеніе. Слѣдовательно, онъ перестаетъ быть свободнымъ и, волею неволей, становится рабомъ. Это принятое, желанное, искомое рабство».

Сравнивая отношеніе къ власти массы русскаго и французскаго, напр., народовъ, мы ясно видимъ, что въ первомъ нѣтъ и тѣни того уваженія къ закону и власти-правительству, какое наблюдается во Французской демократической республикѣ.

VI.

Нельзя не напомнить въ заключеніе пророческихъ словъ М. А. Бакунина о томъ, что «никакое государство, какъ бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, на-

родная только въ смыслѣ лжи, извѣстной подъ именемъ народнаго представительства, не въ силахъ дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организаціи своихъ собственныхъ интересовъ снизу вверхъ, безъ всякаго вмѣшательства, опеки, насилія сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо народное государство, задуманное г. Марксомъ, въ сущности своей не представляетъ ничего иного, какъ управленіе массами сверху внизъ посредствомъ интеллигентнаго и потому самому привилегированнаго меньшинства, будто бы лучше разумѣющаго настоящіе интересы народа, чѣмъ самъ народъ.»

VII.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ «демократическихъ» государствахъ пропаганда нѣкоторыхъ анархическихъ идей не влечетъ за собою для анархистовъ тѣхъ дикихъ репрессій, которыя обрушиваются на нихъ не въ «свободныхъ странахъ».

VIII.

Въ настоящее время необходимо выяснить вопросъ, могутъ ли анархисты-коммунисты работать вмѣстѣ съ демократами (конституціоналистами демократами, соціаль-демократами и ихъ разновидностью соціалистами революціонерами).

Совмѣстная работа съ этими партіями не нужна и опасна для дѣла самоосвобожденія трудящихся. Всѣ онѣ стремятся не къ разрушенію, а къ сохраненію и укрѣпленію опаснѣйшаго изъ враговъ рабочаго люда—государства. Всѣ онѣ стремятся реформировать, т. е., улучшить, а, слѣдовательно, укрѣпить современное буржуазное общество. Даже отдаленная цѣль нѣкоторыхъ изъ этихъ партій, цѣль соціаль-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, является не соціализмомъ, а ново-государственнымъ капитализмомъ.

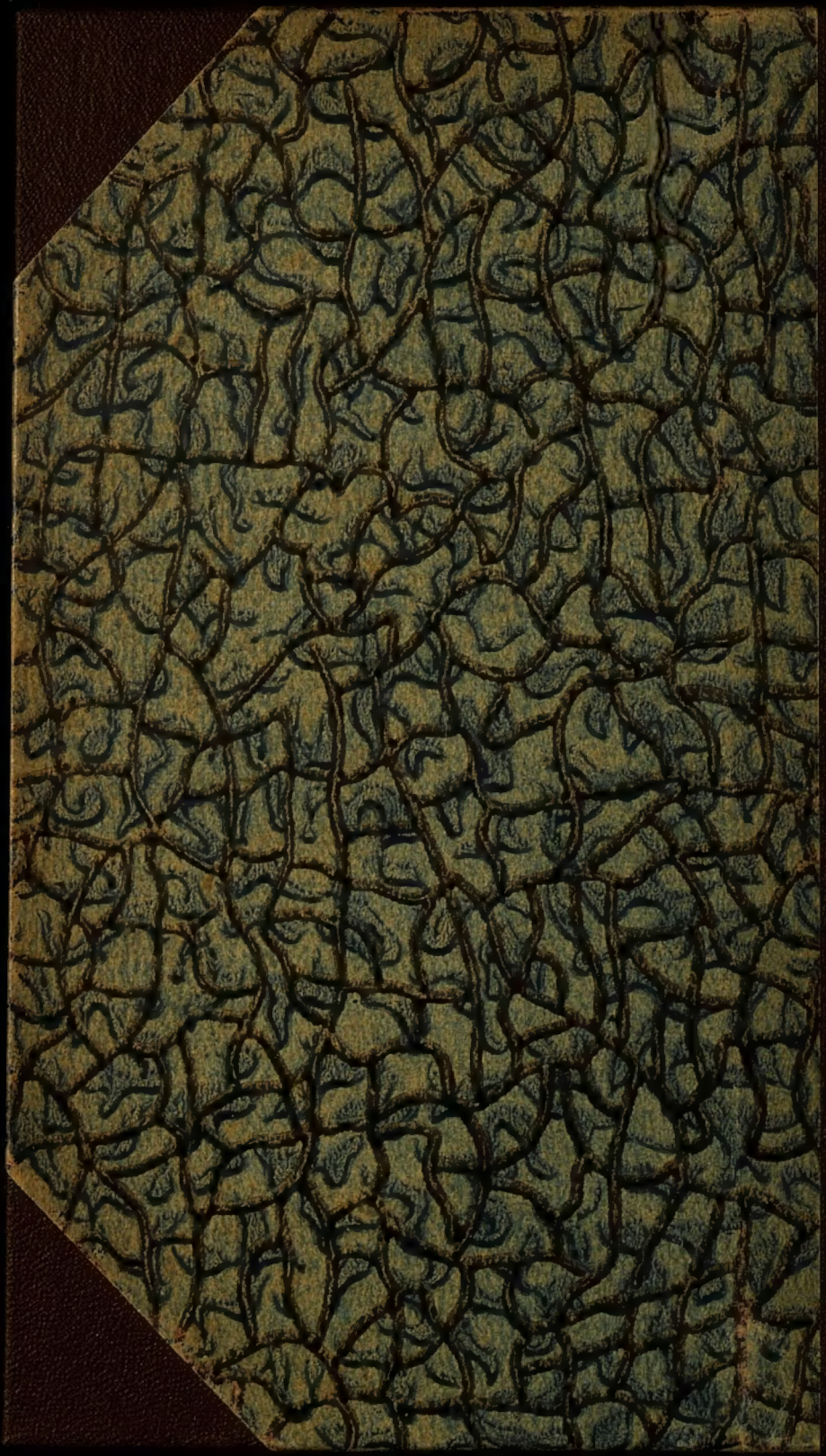
Мы можемъ идти вмѣстѣ съ демократами только въ одномъ мало вѣроятномъ случаѣ. Если они пой-

дутъ на современное правительство съ оружіемъ въ рукахъ, они очутятся рядомъ съ нами. Но трудно разсчитывать на такое ихъ выступленіе.

Для того, чтобы смести современное правительство, мы пойдемъ возстаніемъ, вмѣстѣ съ демократами. Но мы не позволимъ захватить въ руки ихъ вождей власть надъ народами Россіи. Противъ любого изъ захватчиковъ власти мы пойдемъ, какъ вооруженная сила.

Стачки ведутся рабочими; въ рядахъ бастующихъ рабочихъ всегда будутъ анархисты, въ ихъ рядахъ могутъ быть и не сознательные рабочіе—соціаль-демократы. Но мы протестуемъ противъ лживаго хвастовства соціаль-демократовъ, что они создаютъ и ведутъ стачечное движеніе въ Россіи.

Всегда въ народныхъ массахъ и вмѣстѣ съ ними, стремясь все впередъ и впередъ, не отказываясь отъ самой мелкой работы, но, съ желѣзной послѣдовательностью идя къ нашей великой цѣли,—къ разрушенію властнаго капиталистическаго общества, къ будущему строю равныхъ и вольныхъ людей, мы будемъ работать и бороться за анархическій коммунизмъ.

Да здравствуетъ анархія!

Институт Ленина
при Ц. К. Р.К.П. (б.)